## Альфред Адлер

# МОТИВ ВЛАСТИ

Адлер А. Наука жить.
Киев: Port-Royal, 1997. С.235–241. Пер. с нем. А.А. Юдина.

Быть большим! Быть могущественным! Вот всегдашнее стремление всех маленьких или чувствующих себя маленькими. Всякий ребенок тянется к высоким целям, всякий слабый – к превосходству, всякий, кому недостает надежды, – к вершинам осуществления: отдельный человек так же, как и масса, народы, государства и нации. Это извечное стремление людей есть попытка преодолеть чувство своей недостаточности, незащищенности, слабости. Но для того, чтобы двигаться в этом направлении, им нужен путеводный образ, указывающий будущее. Выдуманный идеал совершенства слишком невнятен для того, чтобы выполнять эту роль. Ищущий дух формирует конкретный идеал, помогающий уверенно идти избранным путем. Видит ли человек свою цель в том, чтобы стать кучером, врачом, донжуаном, другом, тираном, – он всегда усматривает в этом высшее осуществление и утверждение своей сущности. Поможет ли этот идеал осуществить себя при данных конкретных обстоятельствах, зависит от подготовки человека, от его умений, от выбора метода, от его оптимистической активности, с одной стороны, и от соответствия внешним возможностям, с другой. В отношении первых факторов мы можем предъявлять требования к образованию, последние же нужно уметь познавать и распознавать. Все эти факторы взаимозависимы и оказывают друг на друга взаимное влияние.

Мы бы могли много сделать для выбора правильного жизненного пути, если бы располагали точным знанием о внешних обстоятельствах. Многое из того зла, которое портит жизнь людей, можно было бы переносить гораздо легче и даже одерживать над ним верх, если бы мы не просто жаловались на судьбу, но видели в этих трудностях выражение сложного развивающегося и прогрессирующего движения. Мы все страдаем от того, что находимся в таком моменте развития, который благодаря творческой силе человечества должен быть преодолен. Представитель индивидуальной психологии может с уверенностью утверждать, что всеобщее и личное страдание всегда связаны между собой, потому что мы сегодня строим наш путеводный идеал не столько на основе чувства общности, сколько на основе [цели] личного могущества. Огромное количество трудновоспитуемых детей, невротиков, сумасшедших, алкоголиков, кокаинистов, морфинистов, уголовников и самоубийц представляют собой, в конце концов, сходную картину: борьба за личную власть или неверие в возможность достичь этого посредством общеполезной деятельности. Наш путеводный идеал, который в настоящее время выступает в законченной форме как стремление к превосходству над другими, конкретизируется как власть над другими, и эта проблема стоит перед каждым на переднем плане, оттесняя все другие и оказывая влияние на всю нашу душевную жизнь.

Как это зло пришло в мир? *Стремление к личной власти представляет собой форму конкретизации стремления к совершенству*! И ее искушение особенно сильно в нашей культуре. Понятная ошибка, подражание бесконтрольной природе, когда совершенство одного достигается путем жестокого торжества над более слабым. Но даже и в животном мире есть немало моментов, смягчающих борьбу: социальные, стадные инстинкты, которые, по-видимому, служат защите вида и предотвращают его уничтожение. В человеке же зов чувства общности сильнее. Ибо в отличие от природных существ и вопреки жестокости жизни союз с себе подобными для него гораздо более насущен. Без разветвленного

разделения труда он обречен на гибель. Господство мужчины над женщиной лишает его высшего эротического наслаждения. При более развитом состоянии культуры это должно привести к бунту женщины против отведенной ей роли, а это составляет угрозу самому существованию человеческого рода. В этом смысле народы с менее высоким уровнем культуры имеют преимущество.

Основываясь на результатах исследований индивидуальной и массовой психологии, можно утверждать: стремление к личной власти – это роковое заблуждение, отравляющее жизнь человеческого общества. Тот, кому дорого человеческое общество, должен отказаться от стремления пересилить других. Самоутверждение посредством насилия представляется многим самоочевидной мыслью. Мы даже добавим: простейшим путем ко всякому благу и всему, что обещает счастье, *кажется* именно путь власти. Но когда же в жизни людей или в истории человечества такое намерение удавалось осуществить? Насколько мы можем видеть, даже малая толика насилия всегда вызывает противодействие, даже там, где мы имеем дело с придавленными гнетом людьми: патриархальная система, просвещенный абсолютизм – ужасные примеры тому. Даже с богами своими ни один народ не примирился без некоторого противодействия. И если человек или народ попадает в зависимость от другого, в нем сразу же – явно или скрыто – пробуждается дух сопротивления, который не исчезнет, пока не падут все оковы. Победоносная борьба пролетариата против гнета капитализма отчетливо свидетельствует о таком ходе развития, хотя возрастающая мощь организации рабочих может при неосторожном образе действий вызвать большей или меньшей силы внутреннее сопротивление у вялых натур. Там, где свои вопросы решает власть, она, навязывая свои намерения и цели, приходит в столкновение с волей к власти отдельных людей и вызывает их противодействие.

Яд главенства проникает даже в родительскую любовь и под именами авторитета и заботы о детях ведет к утверждению видимости превосходства и непогрешимости. И тогда перед детьми возникает задача перерасти своих воспитателей. Та же картина и в отношении учителя. Также и в любви мы видим множество уловок и попыток подчинить себе своего партнера. Жажда власти у мужчины домогается со ссылкой на «природное установление» подчинения со стороны женщины; в результате – безрадостная картина разрушения всех непосредственных отношений и паралич созидающих ценности сил. Даже любимые игры детей обнаруживают для искушенного взгляда целую систему способов удовлетворения стремления к господству.

Однако современные данные исследований душевной жизни показывают, что черты стремления к господству, честолюбие и стремление к власти над другими вместе со всеми сопутствующими им явлениями не являются врожденными и неизменными. Скорее они прививаются детям с раннего возраста: ребенок воспринимает их из атмосферы, пропитанной жаждой власти. В нашей крови все еще есть тяга к опьянению властью, и наши души становятся мячиками в игре стремления быть наверху. Только одно может нас спасти – недоверие к господству. Наша сила заключается в убеждении, в организующей силе, в мировоззрении, а не в силе оружия и чрезвычайных законах. Эти средства уже доказали свою негодность в борьбе других могущественных сил.

Мы же избираем путь и тактику, исходя из нашей высшей цели, – развития и укрепления чувства общности.

Человек может подавлять в себе чувство общности, но он не может задушить его. Человеческая душа в ослеплении может попытаться освободиться от логики. Самоубийство – пример своеволия жизненных сил, пытающихся отрицать инстинкт жизни. Но и логика, и инстинкт жизни суть реальности, присущие обществу. Бунт против них — это грех против природы и против святого духа человеческой общности. Но не легко подавить в себе

здравый смысл. Преступнику требуется ввести себя в раж, чтобы заставить замолчать свое чувство общности, – будь то до или после преступления. Предоставленные сами себе юнцы группируются, ибо таким образом они как бы делят на всех чувство ответственности и тем самым уменьшают ответственность каждого. Раскольников целый месяц лежал в постели, размышляя над тем, Наполеон ли он или вошь. Но после, уже поднимаясь по лестнице с целью убить старую и бесполезную старуху-процентщицу, он не может унять сердцебиения. Это голос чувства общности, звучащий в его крови. Война – это вовсе не продолжение политики другими средствами, а величайшее преступление перед человечеством. Какая масса лжи, насилия, изощренного подстрекательства, разжигания низких страстей потребовалась для того, чтобы заткнуть рот возмущенному голосу человечности!

Волны, порождаемые стремлением к власти в обществе, проникают и в детскую комнату. Властные притязания родителей, отношения низа и верха в доме, привилегии маленьких неизбежно внушают ребенку влечение к власти и господству; только это положение кажется ему соблазнительным. И когда чувство общности только начинает несколько позже пробуждаться в его душе, оно подпадает под пресс уже сформировавшейся жажды власти. Впоследствии сложный анализ обнаруживает все характерные черты стремления к превосходству, обосновавшегося на нерушимом фундаменте здравого смысла. И идя в школу, ребенок уже несет с собой в жизнь из семьи описанный выше механизм, разрушающий здравый смысл. Идеал личного превосходства принимает в расчет здравый смысл других людей. Ведь типичный идеал нашего времени — это по-прежнему герой-одиночка, для которого окружающие выступают лишь в качестве объекта. Эта-то психическая структура заставляет людей находить вкус даже в мировой войне, когда они, удивляясь и одновременно ужасаясь, превозносят величие победоносных воинов. Чувство общности требует иной идеал – идеал святого, только очищенный от всего мистического, связанного с верой в потустороннее. Ни школа, ни жизнь не способны устранить укоренившееся, гипертрофированное стремление к значимости за счет других. Было бы грубой ошибкой рассматривать опьянение властью только как явление индивидуальной психики. Масса также руководствуется сходными целями, и их действие тем более разрушительно, поскольку чувство личной ответственности в массе существенно ослаблено. Мы нуждаемся в целенаправленной подготовке и воспитании могучего чувства общности и в отказе от алчности и властолюбия, как для отдельного человека, так и для целых народов. Чего нам недостает и что нам крайне необходимо, так это новые методы взращивания здравого смысла, – новое слово. Прогресс должен двигаться путем устранения всего социально бесполезного. Мы менее жестоки, чем природа, чем этот космос, который словно бы взывает к тем, кто жаждет власти и насилия: то, что мне не нравится, должно исчезнуть! Тот, кому, как психологу, близка эта логика человеческого общежития, стремится донести это бесконечно мрачное предупреждение до всех, отвратить от бездны, в которую могут низвергнуться навсегда не только отдельные семьи, но и целые народы. Нам нужен новый метод, новое слово для того, чтобы этот голос стал слышен всем.